

18+

Артур Аршакуни

ГАМБУРГСКИЙ СЧЕТ

Избранные стихи

Артур Аршакуни
**Гамбургский счет.
Избранные стихи**

«Издательские решения»

Аршакуни А.

Гамбургский счет. Избранные стихи / А. Аршакуни —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530739-2

В книге собраны лучшие (по мнению автора) стихи, написанные за последние пятьдесят (боже!) лет. Условно они делятся на две половины: восторженно-щенячьи и как средство от удушья. Они писались последние пару лет. У меня ощущение, что что-то вам должно понравиться. Хотя бы фото на обложке. Я старался! Часть стихотворений ранее была опубликованы в сборниках автора «Мой Эдем» и «Первичность ощущений». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-530739-2

© Аршакуни А.
© Издательские решения

Содержание

Из Моцарта	6
Мокрый котенок	7
Ленинградский эскиз	8
Минутное	10
Осень	11
Берег Оредежа	13
Сказка	14
Баллада о нераскрывшемся парашюте	18
Лорка	19
Первое приближение	20
Старая фотокарточка	22
Клятва	24
Мама умерла	25
1	25
2	26
3	28
4	29
5	30
6	31
7	32
8	33
Отрывок из неотправленного письма	34
Выздоровление	35
Наваждение	36
«Осталось докурить...»	37
«Обращенье к любимой ...»	38
Извечное	39
Моя радость	40
Женщина	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Гамбургский счет Избранные стихи

Артур Аршакуни

© Артур Аршакуни, 2021

ISBN 978-5-0053-0739-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

* * *

По переулкам бегала весна,
Дыша грозой, в рассветной шали алой.
Стучала в окна весело она
И в каждом доме сверстников искала.

За ней, железом кровель грохоча,
В ботфортах из подбитой громом кожи
Шатался ливень, зверски хохоча,
И прыгал с крыш, пугая всех прохожих.

Но мне не весело.
Стою я у окна,
Смотрю, как воробьи насквозь промокли.
По переулкам бегала весна,
Забыв, куда мои выходят окна.

Из Моцарта

Любовь!
Дай силы вынести тебя,
Жить по твоим законам неизменным,
В тебе невыразимое любя,
Безумие считая наслажденьем.

(Не спится.
На душе моей светло.)

Любовь!
Дай силы сохранить тебя
Без лести, без игры, без празднопенья,
В тебе сиюминутное любя,
Доступное считая наслажденьем.

(Гоняет ветер выцветшие листья.)

Любовь!
Дай силы не забыть тебя
В последнее, предвечное мгновенье.
В тебе непреходящее любя,
Прошедшее считая наслажденьем.

(А дождь стучит в оглохшее стекло
Безумною рукой клавесиниста.)

Мокрый котенок

Мне хочется быть маленьким ребенком.
Милым быть и нарядным.
Плакать, если мне
бо-о-льно,
Смеяться, когда мама рядом,

Считать мороженое квинтэссенцией счастья,
Визжать от восторга на взлетающих качелях
И засыпать вечерами,
часто
Довольным тем, что я —
чейный.

Но я улыбаюсь, если мне грустно,
Морщю лоб, когда все – просто,
Девушке колено глажу искусно,
Это называется
«быть взрослым».

А когда тихо, тонко настроится скрипка на песню,
Когда ты только собой недоволен, —
Когда всем неинтересным на свете тесно,
Тогда вдруг становится странно больно,

Но ты уходишь в мясорубку улиц,
Запахнув плащом души шквалы,
Кому-то посылаешь
улыбки-пули,
Кого-то извлекаешь из-под слов обвала,

Говоришь,
делаешь что-то красиво и умно,
В самого себя вглядываешься ошарашенным оком...
А вокруг —
блажь!
И только свет лунный
Выщербливает глазницы пустых окон.

Ленинградский эскиз

Закат над крышами остыл,
И заструился сумрак синий.
И по-кошачьи гнут мосты
Свои натруженные спины.

Не слышно звуков.
Сон почти.
Часы в углу вздохнули, стали.
А в небе тонко плачет «Ил»,
Отстав от самолетной стаи.

* * *

Всю ночь шел дождь.
Я ждал рассвета.
Лбом плавил тонкий лед стекла.
А за окном, раскинув ветви,
Сирень цвела.
Сирень цвела.

Дождь фонарей рисует тени
Штрихами.
Шапки набекрень.
А за окном, как в исступленьи,
Цвела сирень.
Цвела сирень.

Цвела, как будто тем цветеньем
Хотела выплеснуть в цветы
Свое весеннее смятенье,
Девичьи грезы и мечты:

До замиранья сердца тонко,
До непорочно волглых глаз,
Простоволосою девчонкой
Любить,
как любят в первый раз,

Бежать, заламывая руки,
К мальчишке-клену впереди
И, будто пробил час разлуки,
Проплакать на его груди,

Проплакать, ничему не внемля,
В плену октябрьской тоски...

Всю ночь шел дождь.
А утром землю
Покрыли слезы-лепестки.

Минутное

Уехать просто так.
Уехать на пари
Туда, где даль струится, холодея,
И лысая луна, забыв надеть парик,
Собьется с ног, разыскивая, где я.

И, вброд пройдя гнилой разлив болот,
Сушить на камне курево и спички,
Глядеть, как из реки сохатый воду пьет
И вздрагивает, слыша электрички.

Примерить ельника колючую шинель
И, дымный след в седой траве оставив,
Ждать в первозданной этой тишине
Минуты близости к корням, минуты таинств.

Осень

В небе – молнии галстук,
Непогоды пальто.
Плакал дождь и сморкался
В тучи, будто в платок.

Не просил.
Все тащился
Он по лужам один.
Только...
был беззащитен,
Вот и не уходил.

Шлепал ветру навстречу.
Ты куда, холостежь?
Был он так человечен,
Неприкаянный дождь!

А в домах пахло лаком
Свежесбитых дверей.
И всю ночь он проплакал
В уютном дворе.

...Только выйдя с рассветом
На продрогший балкон,
Люди поняли:
лето
Им оплакивал он.

* * *

Дорога.
Приладить лямку рюкзака рукой к плечу
И бросить дальнему навстречу легкий чуб
С порога.

Не поезд
Со мною заключит движения союз, —
Дойду до тишины, войду в нее и ус-
покоюсь.

Дороже
Бивальди рыжего мне сосен голоса.
А то, что странно заблестели вдруг глаза, —

Так дождь же!

И долго
В себя таинственные импульсы вбирать,
Пока к жилью не выведет опять
Дорога.

Берег Оредежа

Закат.

Лес выйдет в новом платье,

Зеленое сменив мышинным.

В последний раз, вздохнув, погладит

Река воротнички кувшинок.

Шагнет в траву забор раскосый.

Сорвется с ветки лист

игривый.

И солнце чиркнет спички-сосны

О смуглый коробок обрыва.

Сказка

Вечер.
Тихо.
В небе – звезды.
Дремлют тени на стене.
За окном – застывший воздух.
Под окном – застывший снег.

Тишину толкнет украдкой
Мерный маятника ход...
Внук
балуется в кровати.
Рядом бабушка и кот.
Озорством сияют глазки —
Наказание, не внук.
– Баушка, придумай сказку,
Только чтобы про войну!

– Вот те раз...
Куда?
Ахти мне!
Час полночный на дворе.
Ну-ка, ну-ка спать активней!
Спать потребно детворе
Да и всем...

Опять с кровати:
– Расскажи мне про войну
Ска-азку...
Слышишь, баба Катя?
Не расскажешь – не засну!

– Ох, беда!
Ну, ладно.
Слушай
Сказку-счаску – вот искус!
Ножки спрячь да ляг получше,
Слушай да мотай на ус...

Завозился снова...
Нет уж!
Ляг тихохонько, как мышь.
Припозднились мы с тобою.
Как бы нам...
О чем мы, бишь?

– Над землею, над водою,

Во поле, в лесу густом
Два бойца – наш со звездой,
А который их – с крестом —
Воевали...
– Знаю!
Наши
Бились с немцами, ага?!
– Да, милоч, и вспомнить страшно —
Хуже не было врага.

Со звездой был храбрее.
Супостат с крестом – наглей.
Полетели пух и перья,
Стон пошел по всей земле.

Все смешалось – солнце с тенью,
С громом громким – тишина.
Не пожар,
не наводнение,
Не великий мор —
война!

Жили мы тогда в Калище,
Деревенька – двадцать хат.
До сих пор на пепелище
Труб печных персты торчат.

А в тот год, когда Пеструха
Наша двойню принесла,
Мой Иван...
Ужо старухе!
В сказке душу растрясла...

Ох, беда!
Вот дура-баба!
А, внучок? Никак ты спишь? —
И подвигав ручкой слабо,
Засопел в ответ малыш.

Отгоняет страхи липки
Высошей ладони взмах,
И у внука вновь улыбка
Пузырится на губах.

Бьют часы.
Двенадцать.
Поздно.
Развалился кот во сне.
За окном – застывший воздух.

Под окном – застывший снег.

Две слезинки быстрых.
Это
Разве плач?
Вода водой...
А с комода,
а с портрета
Смотрит воин со звездой.

* * *

Труби, трубач!
Не время медлить!
Заря кровавая зажглась.
Пусть жаркий, гордый голос меди
Перепоет железа лязг.

Труби, трубач!
Ведь не устала
Трубы блистающая медь.
Она так часто уверяла,
Что смерть в бою —
солдату честь.

Труби, трубач!
Ты – знак надежды,
Межа меж миром и войной.
Как Прометей, в руках ты держишь
Осколок солнца золотой,

И в золоте твои седины.
Ты – символ...
Символ?
Так стой!
Ты нотой чистой, голубиной
Останови вот этот бой!

В языческом, кровавом храме,
Сквозь жертвоприношений вой
Встань в алом утреннем тумане
С серебряною головой,

Встань – и запой спокойно, тонко
Про ту, единственную боль,
Которая, дав жизнь ребенку,
Благословляема судьбой,

Про время, что в широком поле

С бубенчиками пронеслось...
Труби, трубач, до кома в горле
До неумело скрытых слез,

Труби, трубач!
Своей трубою
Волнуй сердца ты вновь и вновь.
И в тишине
вслед за тобою
Заплачет скрипка про любовь.

Баллада о нераскрывшемся парашюте

Секунды решили,
что небо – не небо,
а пропасть.
Секунды решили:
полет – не полет,
а паденье.
А сердце-вещун продолжало работать.
Работать
И после того, как окончен был счет на мгновенья.

То был не рассчитанный мертвою формулой штопор.
Была
нисходящая с неба минорная гамма.
А ветер играл исступленно на клавишах ребер,
И тело
летело в потоках рыданья органа.

А солнце казалось застывшими складками грома
И пахло
прощаньем.
И женскою лаской.
И детством.
И мир
надвигавшийся
был
так красив, так огромен,
Что...
Поздно.
Сравнить уже некому.
Незачем.
Не с кем.

И лишь воробьям эта тайна известною стала.
И шумно они принялись меж собой удивляться
Той птице,
что в небе
так мало, так мало
летала,
А после
так долго, так долго
Не может подняться.

Лорка

*Сердце дремало возле ручья.
Ф. Г. Л.*

Навек запомни эту темень,
Укрывшую снег на висках.
Такую маленькую землю
Качает солнце на руках.

И каплями в тюрьмы оконце
Сочится струйка долгих дней.
Такое маленькое солнце
В фамильном склепе Пиреней.

За каплей
капля.
В неизвестность.
Откуда нет назад пути.
Такая маленькая песня —
По всей Испании мотив.

За шагом – шаг.
Туда,
в бессмертье.
Под перезвон гитар дождя.
Такое маленькое сердце
Смеялось, в вечность уходя,

Смеялось
под Фуэнте-Гранде,
Смеялось,
до конца стуча...
Такая маленькая радость —
Прилечь у тихого ручья.

Первое приближение

*Сон, который снился неоднократно,
пока не был записан.*

Где стоянка такси (от метро идя), —
Никого.
Лишь один – королем.
Глянул я на него да расстроился.
Это смерть за рулем, за рулем.

Парень парнем да с русской курносостью,
Да с латунным брелоком ключи.
Лихо так подкатил, мол, давно стою,
Дверцей хлопнул и счетчик включил,

Глянул остро с прищуром охотничьим
И в свежатинке знающим толк,
Мол, по чину зад, да по холке чин,
Карта – в масть, да не в козырь, браток.

Унижать, оскорблять, задевать его
Чем угодно, чтоб не со слезой.
Что за, мать, говорю, издевательство?
Где старуха?
Где саван с косой?

Он кассетник – щелк!
Перестройка, мол.
Что – старуха?
Аль плохо со мной?
Ручку громкости пальцами тонкими,
А они – со щетиной свиной!..

Помертвел я.
А запись хорошая.
Все про то, как четвертые сут...
Километры свистят в снежном крошewe.
Ну, куда меня черти несут?..

Я креплюсь.
Не унять ему смех никак.
Ох, хорош!
И попутчик неплох.
Все бы в лад,
да напутала техника:
Взвыл движок, застучал и заглох.

Эх, была не была!
Я разжал уста.
Отпусти, говорю, по нужде.
Вырубает кассетник – пожалуйста.
Пять минут.
Мы у цели уже.

Я на волю – искать да расстегивать,
А как глянул с пригорка сквозь лес —
В ряд – кресты!
Православные, строгие.
И меж ними – могильный разрез.

Что откуда взялось, вспыхнув хворостом!
Напролом, только жила в струну!
Жеребцом-малолеткой норовистым,
Что ноздрями след волчий втянул.

Через лес, гатью, полем, оврагами
До забытого Богом шоссе...
Боже,
Как хохотал я от радости,
Тормознув грузовик и подсев!

Шеф решил, что я чудик, наверное,
Но сдержался.
Косился, но вез.
В развалюху-полуторку скверную
Я влюбился до лысых колес.

Он довез меня чуть не до лестницы,
Взял за локоть шоферской клешней:
– Ну, иди.
На тебе просто нет лица.
Выпей водки.
Оно как рукой. —

Я добрал до громадины каменной
И ощупал ладонями дом...
А потом злая мысль обожгла меня:
Сколько ж было на счетчике том?

Старая фотокарточка

Фотокарточка помнит улыбку отца,
Черноусого и молодого.
Сорок пять,
как не сходит улыбка с лица
За неделю до двадцать второго.

А рукою он машет кому-то:
«Привет!» —
Мать не помнит.
А то бы сказала.
Я примерил улыбку, примерил и жест,
И мне карточка тесною стала.

До чего же красив у меня был отец!
Балагур.
И усы – все, как надо.
В эту руку вlepили горячий свинец —
Золотую
пехоты
награду.

Слов не надо.
Слова не идут с языка.
Для войны нужна мера иная.
Годы вскачь,
а на снимке здорова рука.
Мать не помнит.
А я
вспоминаю.

Фотокарточка эта в закрытых глазах
Вырастает до четкой картины:
Сосны
ветер поймали (должно быть, гроза.)
Галстук темный.
(Учительский, синий.).

А навстречу бежит краснощекая мать,
И в глазах – ничего про блокаду!
Почему я кричу, когда надо молчать,
И молчу, когда вовсе не надо?

Там ведь горе – не горе,
беда – не беда,
Там ветра только теплые дуют,
И растет у ограды трава-лебеда,

Заменяя бессмертник и тую.

Я нашел это место вблизи сосняка.

Покурил.

Подержался за ветку.

Вот и вышло,

как будто отцова рука

Посылает кому-то приветы.

Клятва

О, отец,
я клянусь, что тебе я
построю могилу.
Я отмечу квадратом на этой земле свою грусть.
Но для этого
дай,
чтоб с ума не сойти,
свою силу.
Я построю, отец.
Я клянусь.
Я клянусь.
Я клянусь.

Я построю могилу из белого-белого камня,
Разогретого солнцем для шустрых
живых
муравьев,
Я любую щербинку отглажу любовно руками,
Чтоб ровнее тянулась по струнке обитель веков.

Я устрою ручьям дождевым
укрепленные стоки,
Нанесу в заскорузлых горстях черной, жирной земли,
Чтобы глину пробили корней чудотворные токи,
И гвардейским значком на груди твоей
маки цвели.

И закончив работу,
соседям раздам инструменты,
Чтоб и дальше тянуть
вдоль горы
строгий каменный
ряд,
И присяду
у ног твоих
в то
сумасшедшее лето,
Чтоб послушать, что птицы
над нами
тебе говорят.

Мама умерла

1

Красное.
Желтое.
Белое.

Страшное.
Спертое.
Смертное.

2

Мама
Я успею дополоскать белье
Все было
рвань обоев
обломок стекла под окном
оттепель визжит из-под колес
чемодан с никогда не надеванным драпом
фотографии письма телеграмма еще телеграмма
усопших авторов по случаю смерти
давно похороненных родных
отпрыгнувший стул
альбом ангельского Микеле
очки ты говорила они плохо светят
с перевязанной ниткою дужкой
зачем покупать другие говорила ты
ведь эти совсем как новые
только плохо светят
они светят светя они светят просто кончился этот свет
полчашки бульона
ссучившийся день не притворяйся затянувшейся ночью
и то самое платье
то на которое я так и не решился взглянуть
я решился смотри я решился
отобранное тобой
тобой специально для этого
оно совсем не пахнет нафталином
очень красиво и тебе идет
бежит и несется
из баула из баула у изголовья да так удачно
как будто
почему как будто
как будто ты все знала заранее
ненавижу форточки замки двери крышки крыши тучи
трясущиеся руки
как в очень плохом киносценарии
ну ты пижон
трясущиеся мысли
челюсть в стакане не скалься
ненавижу разрезанную пуповину
Гребень беспамятный он и не знал твои косы
дешевка
Все было
все превратилось в грудку ненужного хлама
Я только принесу второе одеяло
Как холодно

Второе одеяло
и целый рулон ватина
он теплый ватин он очень теплый
Мама

3

Хорошая собачка идет по анютиным глазкам.

4

Зима, ворвавшаяся в дом,
При всем при том, при всем при том
У нас зовется Рождеством.
Зима
с ума сошла в наш дом.
И в нем, в пустом,
Потом плутом
При нас зовется
дрожь и стон.

5

17.08.
09.
08.
Ах, да дело не в том.
Спаси ее,
Ом!
Криком чайки, загривком волны под веслом
Спаси ее,
Ом!
Мигом миротрясения, астральным кнутом,
Заигравшим на ребрах кровавым жгутом,
Спаси ее,
Ом!
Мы вдвоем.
Я один.
Мы вдвоем.
Мы вдвоем?
Спаси ее,
Ом!
Спаси ее,
Ом!
Я уйду в назореи, укроюсь льняным полотном,
Я светильники, полные масла, внесу в этот дом,
Чтоб светили сорочьим пугливым зрачком
Над мальчишками распотрошенным гнездом, —
Спаси ее,
Ом!
В иных воплощениях —
огруженным моим животом.
В иных воплощениях —
моим виноградным соском.
В иных воплощениях —
сладчайшим моим молоком, —
Спаси ее,
Ом!
Спаси ее,
Ом!
Спаси ее,
Ом!

6

Красное.
Желтое.
Белое.

Черное.
Черное.
Черное.

7

Перемены сулит свежий ветер с Востока – он здесь!
Чуть качнется камыш, затрепещет осока – он здесь!
Криком чайки кричат, неприкаянно и одиноко,
Знают – кончился срок. Ждет копыта дорога – он здесь!

8

Скрипочка, скрипка, янтарная дека,
Лаковая душа.
Скрипочка, лакомка, рыжая девка,
Ах, до чего хороша!

Нет слаще боли любовной неволи.
Жги, изводи скрипача.
К горлу – и за сердце,
к черту – и в поле,
Царский хорек у плеча.

Скрипка, раба камертоновых терций,
Ты дорыдала.
А он,
Взяв тебя, как обнимают младенца,
Переломился в поклон.

Отрывок из неотправленного письма

Прости меня,
брат,
я не верю в истории взлеты.
За взлетом любым
неминуемо следует спад.
Благие намерения
холы
нагих и голодных
Причинно впадают
в террор,
в вакханалию,
в ад.

Свобода народа —
богатство особого рода.
Где ж мера народу,
который не «жил-был», а
жил?
За каждый глоток
барски данного кислорода
Сторицей оплачено кровью
из взрезанных жил.

Выздоровление

Айне

Запомню все:
аккорд ступеней,
Чечетку закруживших лестниц
И в фильме лунном,
черно-белом,
Обезображенную местность.

По телу сквера —
шрам аллеи,
Припорошенный тальком снега,
И ломаных теней
колени,
Опошлившие
драму бега,

И поцелуй ревнивой стужи,
И ночь,
как перестарок-вечер
(А колесо скрипит и кружит
На костылях деревьев встречных),

И темноты загрибок жесткий,
Разбитый в льдинки окон
город,
И перед домом – перекресток
Вороньим глазом светофора,

И тормозов хмельные песни,
И лифт,
охрипший от простуды...
Запомню все —
до взгляда
бездны.
Запомню все.
И позабуду.

Наваждение

Спокоен я.
Ты не придешь.
Пора задернуть шторы.
А по стеклу фальшивит дождь
Досадные повторы.

Спокоен я.
Сирени дрожь
Рассчитана на жалость.
О, если ты сейчас войдешь!
А дождь
все продолжает.

Спокоен я.
Закрыта дверь
И ключ повернут трижды.
И я не жду тебя,
поверь...
Но, Господи,
приди же!

Не постареть бы на сто лет
Дождливой этой ночью.
Палач-будильник на столе
Топор угрюмо точит.

«Осталось докурить...»

Осталось докурить.
Итак, я уезжаю.
В последний раз твоя ладонь в моей руке.
Стихи?
Ну что ж, изволь, —
Булата Окуджаву.
Про то, что нет уже извозчиков в Москве.

Слова, как слава, — дым.
Не стоит обижаться.
В нас не прошел еще всех словоблудий шок.
А через миг судьба,
как кучер дилижанса,
Пошевелит кнутом и протрубит в рожок.

Ах, сердце бьется так,
что воробышка пленный.
Ах, так блестят глаза,
что отступает мгла!
Нам не хватало в этой комнате Вселенной.
А во Вселенной нет и не было угла.

Ну, все.
Пора.
Прощай.
Все скроет время шалью
И тем, что не сбылось,
пугая и маня,
Прости меня —
не потому что уезжаю.
Прости меня за то, что любишь ты меня.

«Обращенье к любимой ...»

Обращенье к любимой —
испето.
Испито.
Избито.
Удержусь.
Промолчу.
Так пунктирна общения нить!
Старый дедов будильник столешницу тронет копытом
И пойдет не спеша.
Что-то стала лошадка сбивать.

Мы течем по проспектам рекой незнакомых прохожих,
И в разлив не видать, что творится на том берегу.
А исток позабыт.
Спит родник.
Ключ заброшен.
Адрес старой газетой рыжеет на сизом снегу.

Океан далеко.
Это просто вместилище капель.
Как понять в окружающем тайного смысла печать?
Ведь печаль нам дана,
чтоб поставить надежду на стапель.
Расстояния же – для того,
чтобы их сокращать.

Вновь восходит луна —
узнаваемо все в этом мире, —
Чтоб узнал и обрел себя заново мир в темноте.
Колченогою птицей ходит тень от свечи по квартире,
Подбегает к окну, бьет в стекло и не может взлететь.

Извечное

И снова – суета.
Она ушла.
И нечего
Мне ждать, когда сползет обиды глетчер,
Табачным дымом
лишь тоску залечивать
И темноту
окурками калечить.

Молчать,
шагая сердца перестуками
В траве давно пожухлых ощущений,
Курить
и наблюдать, как дым испуганно
Вытягивает худенькую шею.

Она ушла.
Ушла.
Мне ветер гладит волосы.
Она ушла.
Ушла.
Не нам луна до дома.
Тугие спрятав крылья,
гладиолусы —
Как голуби, клюющие с ладони.

Моя радость

Зброшенный парк, как гостиная в доме старинном.
Настойчивый май, подбирающий к лету ключи.
Как краски густы!
А особенно кобальт с кармином.
Давай помолчим,
моя радость,
давай помолчим.

По-южному щедр этот день на аккорды и краски.
Как звуки чисты!
Словно солнцем облитая медь.
Быть может, звезда,
моя радость,
вот также прекрасна,
Безумный полет обращая в цветущую смерть.

Тогда красота – обостренное чувство полета.
А юный июнь,
моя радость, —
полет сентября.
Все так же поет комариный романс самолетик,
Все так же руке не хватает немного тебя.

Не надо грустить,
моя радость,
ведь грусть – остановка.
А память мудрей.
В ней порывы души – рубежи.
Закроешь глаза —
колдовство начинается снова.
И рыжий июнь жеребенком за солнцем бежит.

Женщина

Мне странно посчастливилось —
она
Из тех людей, чей взор открыт и светел.
Ладонь смугла и таинства полна
И волос цвета самородной меди.

Но прямота обманчива.
Так луч
Обходит всю вселенную дугою.
Так струны резонируют.
Так ключ,
Пробив овраг,
становится рекою.

А что же я?
Мне кажется, что в ней
Я это равновесие нарушу,
И маятник оживший все сильнее,
Как лодку, раскачает ее душу,

Что рифмы, строчки, строфы —
все не то,
Они, увы, не станут чувством звонким,
Что к небу вознесенное гнездо
Я разоряю жадным кукушонком.

Не грех ли знать об узах тайных сил?
Я нужен ей,
как перламутру – кальций,
Я нужен ей, как листьям – хлорофилл,
Хотя, быть может,
это только кажется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.